

Славянизмы XVI века и первый румынский перевод Библии и сборник поучений (Сибиуское четвероевангелие, 1551–1553 гг.; Няговские поучения, 1563–1568 гг.)

Левенте НАДЬ

ELTE BTK Romanisztikai Intézet, Román Filológiai Tanszék, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D., Magyarország

Received: 18 May 2023 • Accepted: 6 June 2023

© 2023 The Author

АННОТАЦИЯ

Двуязычное славяно-румынское Сибиуское четвероевангелие (*Tetraevangelul slavo-român de la Sibiu*) было опубликовано в 1551–1553 годах в Сибиу. По мнению Лайоша Деменя, Сибиуское четвероевангелие было переведено в Молдове, а Ион Геце и Александру Мареш считают, что оно было переведено в Южной Трансильвании. Совсем недавно эти две теории были уточнены Иоаном-Флорином Флореску. По его мнению, для перевода Сибиуского четвероевангелия, кроме вышеупомянутых источников, переводчики также использовали два ранних чешских перевода Библии – Дрезденскую Библию (*Biblia Drážďanská*, 1370 г.) и Оломоуцкую Библию (*Biblia Olomoucká*, 1417 г.).

Фраза $\lambda\epsilon\gamma\epsilon\acute{o}\nu\alpha\ \alpha\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omega\nu$, $\lambda\epsilon\gamma\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\ \alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda$ переводится в румынском тексте как: *doosprezece întunerece de ingeri*, то есть ‘двенадцать ангелов тьмы’. Очень странным воспринимается в румынском тексте слово *întunerece* со значением ‘темнота’. То есть, данное место означает ‘двенадцать *темнота ангелов’. Однако в Дрезденской Библии и Оломоуцкой Библии мы находим следующий текст: *i dá mi nynie wiece nej dwandácte tem anjelów / by mi dal ninye wiece nezli dwanadst tem andyelow*. Здесь слово *tem* является эквивалентом слова *legion*, и в современном чешском языке оно означает то же, что и румынское *întunerece* ~ *întuneric*, то есть ‘темнота’. Чешское *tma* происходит от старославянского $\tau\downarrow\mu\alpha$, которое означает ‘легион, толпа, множество, 10 000–12 000 человек’. Однако старославянское $\tau\downarrow\mu\alpha$ является тюркским заимствованием. Исходное слово (*tümän, tümen*) в тюркских языках имеет то же значение, что и в старославянском языке. Однако во время, когда было заимствовано слово $\tau\downarrow\mu\alpha$, в старославянском уже существовал омоним этого слова, т. е. уже было слово $\tau\downarrow\mu\alpha$ с точно такой же формой, но с другим значением ‘темнота’. В процессе употребления эти два слова перепу-

* Corresponding author. E-mail: nagy.levente@btk.elte.hu

** Статья написана при поддержке гранта „MTA – BTK Lendület: Гуманистические каноны и идентичности.”

тались, и в чешском *tma* ~ *tem* утратило значение ‘множество, легион’ и осталось только значение ‘темнота’.

На основании приведенных выше примеров можно сформулировать следующий фундаментальный вопрос: можно ли предположить прямую филологическую связь между текстами в случае схожих или тождественных переводческих решений в чешских, румынских, немецких и венгерских переводах Библии, которые были созданы далеко друг от друга во времени и пространстве? В этом исследовании я попытался доказать, что следует предположить, что в Карпатском бассейне в XV–XVI веках существовала общая многоязычная устная библейско-церковная терминология. В отсутствие письменных переводов Библии священники на церковных богослужениях переводили и объясняли латинские или старославянские библейские тексты для своей аудитории в устной форме. Именно сформированная таким образом устная библейская лексика, возможно, послужила источником и для переводчиков Сибиуского четвероевангелия. Переводчики Сибиуского четвероевангелия при переводе старославянского текста, несомненно, опирались на устную традицию. В поддержку этой гипотезы напрашивается еще один аналогичный пример: первый сборник румынских кальвинистских проповедей, опубликованный в Брашове в 1568 году дьяконом Coresi (*Cazanie*), также был создан в Подкарпатской Руси и позже привезен в Южную Трансильванию с той целью, чтобы напечатать его.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сибиуское четвероевангелие, Няговские поучения, Дрезденская Библия, Оломоуцкая Библия, славянство, многоязычие, реформация среди румын и русинов, церковнославянский язык, библейская лексикология

1. ИСТОЧНИКИ СИБИУСКОГО ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЯ

Между 1544 и 1553 годами в г. Сибиу [венг. (*Надь*)себен / *Nagyseben*, нем. *Hermannstadt*] было опубликовано три кириллических издания. Первое представляло собой катехизис на румынском языке (1544 г.), экземпляры которого не сохранились, второе – евангелие на старославянском языке (1546 г.), а третье – двуязычное славяно-румынское евангелие (1551–1553 гг.). От последнего, который в румынской литературе называется «Сибиуским славяно-румынским четвероевангелием» (*Tetraevanghelul slavo-român de la Sibiu*), сохранился только фрагмент Евангелия от Матфея (Мф 4: 1 и далее) (*Evangeliiarul*). Старославянское Евангелие 1546 года является переизданием Евангелия, изданного мастером Макарие [Macarie] в 1512 г. в Тырговиште (BRV 1: 9–18). Славянский текст левой колонки Сибиуского четвероевангелия также является перепечаткой текста мастера Макарие 1512 г. В настоящем исследовании будет рассмотрен генезис румынского перевода, а также славянизмы, встречающиеся в румынском тексте.

По мнению Лайоша Деменя, Сибиуское четвероевангелие было переведено на основе старославянского текста Макарие в Молдове (ДЕМЕНЬ 1971: 96–98), а Ион Геце и Александру Мареш считают, что оно было переведено на основе старославянского текста Макарие в Южной Трансильвании (ГНЕТІЕ 1966: 76–78, ГНЕТІЕ 1979, МАРЕŞ 1967: 65–77, МАРЕŞ 1982: 184–192). Все они согласны в том, что перед публикацией румынского текста переводчики сравнили его с Библией Лютера и во многих местах исправили свой перевод, следуя немецкому тексту (TASMOWSKI 2009). Совсем недавно эти две теории были уточне-

ны Иоаном-Флорином Флореску. По его мнению, для перевода Сибиуского четвероевангелия, кроме вышеупомянутых источников, переводчики также использовали два ранних чешских перевода Библии – Дрезденскую Библию (*Biblia Drážďanská*, 1370 г.) и Оломоуцкую Библию (*Biblia Olomoucká*, 1417 г.), – а также еще один немецкий перевод (Johannes Mentelin, 1466 г.) (FLORESCU 2015: 200–201). Теория Флореску была принята также Владимиром Агригоруае (AGRIGOROAЕ 2018: 92).

В качестве главного аргумента в пользу того, что Оломоуцкая Библия послужила источником румынского текста, Иоан Флореску приводит тот факт, что в нем слово *фарисей* в нескольких случаях (Мф 5: 20, Мф 23: 14) передается словом *duhovnic* ('священник, который исповедует, духовник'; современное значение: 'духовный руководитель'). В старославянском тексте параллельных колонок Сибиуского четвероевангелия последовательно употребляется слово *фарисей* (*farisei*). Кроме того, ни один перевод Библии этого периода не имеет в качестве перевода слова *фарисей* эквивалент со значением *духовник*, за исключением Оломоуцкой Библии: *židovských duchovníkov* (Мф 3: 7); *duhovníci židovští* (Мф 22: 41). На основании этих доводов Флореску считает, что румынский переводчик, несомненно, был знаком с чешским текстом (Evangeliiarul: 131, FLORESCU 2015: 176–177).¹

Вот еще несколько подобных примеров, приведенных Флореску. В румынском тексте говорится: «Atunce scuipără pre fața lui șă-l batia pre dupo cap» ['Тогда они ударили его по щеке и били его ударами по шее'] (Мф 26: 67). Фраза *и били его ударами по шее* (по-румынски: *batia pre dupo cap*) отсутствует как в старославянском тексте, так и в Библии Лютера. Однако она есть и в Оломоуцкой Библии (*a pošijky jej tepiechu*) и в немецком переводе Менделина: *und schlugen in mit halsschlegen* (FLORESCU 2015: 197). Флореску делает следующий вывод – румынские переводчики должны были знать и чешский, и немецкий текст. В Мф 16: 28, вместо глагола *прийти*, в румынском тексте фигурирует глагол *идти*: «fiul omnesc mărgind în împărăția sa» ['сын человеческий, идущий / идя в свое царство']. Флореску объясняет этот выбор румынского переводчика влиянием Оломоуцкой Библии, поскольку как Менделин, так и Лютер используют глагол *прийти* (*kommen*), в то время как в чешском тексте написано: «syna člověčího jdúce v svém království» ['сын человеческий *идет* в свое царство'] (FLORESCU 2010: 65).

В Мф 5: 16 мы находим следующую конструкцию: «și vor lauda tatăl vostru» ['и *прославятся* отцы ваши']. Согласно Флореску, глагол *lauda* соответствует славянскому *proslaviati* (лат. *glorificent*). Румынский переводчик передал старославянское слово не глаголом *proslăvește*, существующим и в румынском языке, а значит, он последовал чешскому тексту: «i *chválili* otcě vašeho» (Оломоуцкая Библия) (FLORESCU 2010: 66). Также в пользу чешского влияния, по мнению Флореску, говорит замена слова «*лукавый / неприятель*» в тексте молитвы «Отче наш» словом зло: «însă izbăvește de *reu*» ['избавь меня от зла'] (Мф 6: 13). Для подтверждения этого Флореску ссылается на Иосифа Камарэ, по мнению которого нет ни одного старославянского текста молитвы «Отче наш», который в этом месте имел бы слово *zlo* (САМАРА 2011: 39). В то же время данное выражение встречается в Оломоуцкой Библии («*ale zbav ny ot zlého*»).

¹ Список средневековых немецких переводов слова *phariseus* см. DIEFENWACH 1857: 225. Я цитирую текст «Оломоуцкой Библии» и «Дрезденской Библии» по следующему изданию: KYAS 1981.

2. ОТ ЛЕГИОНА К ТЬМЕ

Ниже я хотел бы привести еще один пример переводческого решения, не указанного Флореску, который на первый взгляд, казалось бы, подтверждает теорию Флореску о том, что переводчики Сибиуского четвероевангелия использовали чешский перевод Библии. В румынском переводе стих Мф 26: 53 передается следующим образом: «sau pare ție că eu nu pot astăzi aș aduce cu rugăme pre tată-miu, și se-mi de mai mult decât doosprecece întunerece de ingeri?» [‘Или ты хочешь сказать, что я не мог бы просить Отца Моего, и сегодня он дал бы мне более двенадцати легионов ангелов?’]. Очень странным воспринимается в румынском тексте слово *întunerece* со значением ‘темнота’. То есть, данное место означает: ‘двенадцать *темнота ангелов’. Сегодня это совершенно бессмысленно, как на первый взгляд бессмысленным кажется и метод румынского переводчика, так как старославянский текст полностью следует греческому оригиналу: и в том, и в другом мы видим слово *легион* (λεγεώνα ἀγγέλων, λεγεῖνα ἀγγέλων). Однако в Дрезденской Библии и Оломоуцкой Библии мы находим следующий текст: «i dá mi nyníe wiece nej **dwandácte tem anjelóv** / by mi dal nyníe wiece nezli **dwanadst tem andyelow**». Здесь слово *tem* является эквивалентом слова *legion*, и в современном чешском языке оно означает то же, что и румынское *întunerece* ~ *întunerice*, то есть ‘темнота’. Можно было бы сразу же сделать вывод, что перед нами неопровержимое доказательство того, что чешские Библии были использованы в качестве прямого источника при переводе Сибиуского четвероевангелия. Прежде чем перейти к опровержению этого, казалось бы, надежного и логичного объяснения, давайте рассмотрим, каким образом в чешском тексте на место слова *legion* могло попасть слово *tma* (множественное число *tem*). Чешское *tma* происходит от старославянского тѣма, которое означает ‘легион, толпа, множество, 10 000–12 000 человек’. Однако старославянское тѣма является тюркским заимствованием. Исходное слово (*tümän, tümen*) в тюркских языках имеет то же значение, что и в старославянском языке. Однако во время, когда было заимствовано слово тѣма, в старославянском уже существовал омоним этого слова, т. е. уже было слово тѣма с точно такой же формой, но с другим значением: ‘темнота’ (Надровичс 1994: 20–21). В процессе употребления эти два слова перепутались, и в чешском *tma* ~ *tem* утратило значение ‘множество, легион’, и осталось только значение ‘темнота’. Отсюда следует вывод, что румынский переводчик использовал чешский текст, но перевел его неправильно, по той причине, что знал только одно из двух значений слова *tma* ~ *tem*, т. е. значение ‘темнота’.

Это послужило бы неопровержимым доказательством того, что при окончательном составлении румынского текста Сибиуского четвероевангелия переводчик использовал две чешские Библии, упомянутые выше. Это подтверждает и тот факт, что из рукописных и печатных чешских Библий до 1551 года только в Дрезденской и Оломоуцкой в соответствующем месте встречается слово *tem*, во всех остальных случаях и в чешских текстах фигурирует слово *legion* (Режірковá 1998). Далее, однако, я хотел бы доказать, что даже в таком, казалось бы, очевидном случае мы не можем с уверенностью утверждать, что данные две чешские Библии действительно были использованы румынским переводчиком в качестве источника.

Во-первых, во многих других Библиях в рассматриваемом месте (Мф 26: 53) слово *легион* было переведено переводчиками как *тьма*, *темнота*: таким образом, мы находим слово *Finsternis* (‘темнота’) также в уже упомянутой немецкой Библии Ментелина. В по-

следнем случае переводчик уточнил значение *Finsternis*, вставив слово *schar* ('толпа'): «*und er geb mir mer denn XII schar oder vinsterniss der engel*» (KURRELMMEYER 1904). Кстати, соответствие *legio* – *Finsternis* можно найти и в средневековых латино-немецких глоссариях (DIEFENBACH 1857: 322). С точки зрения истории венгерского языка может быть особенно интересно, что в Апорском кодексе [Apor-kódex] венгерской Гуситской Библии (дата создания – конец XV века) этот отрывок представлен следующим образом: «*avagy nem kérhetem az én szent atyámat, hogy küldene nekem tizenkét themen angyal?*» ['или я не могу попросить ли моего Святого Отца прислать мне двенадцать «темнот» ангелов?'] (AP: 209). Итак, *themen*, «темнот», в «Апорском кодексе – это заимствование того же турецкого слова *tümän, tümen*, которое в старославянском языке перешло в тѹма. Современная венгерская форма данного слова – *tömény* 'крепкий (например, о растворе)' (TESz).

Еще более интересен тот факт, что румынский перевод, который на первый взгляд кажется настоящим *hapaх legomenon*, на самом деле не является уникальным явлением. Не менее чем в десяти различных случаях в румынских церковных текстах, написанных до 1620 года, удалось выявить, что слово *легион, армия, множество* в румынском переводе передается словом *întunerie* 'тьма, темнота'. Основываясь на происхождении текстов, также можно неоспоримо доказать, что мы имеем дело не с диалектной особенностью, а с общим явлением, распространенным на всем ареале румынского языка, а также и то, что это слово в древности, помимо значения 'темнота', имело значение 'масса, множество, большое количество', которое в румынском сейчас утрачено точно так же, как и в чешском, польском и немецком языках. В таблицах ниже мною приведено несколько таких примеров из румынской печатной продукции второй половины XVI века.

Таблица 1.

	Coresi: <i>Lucrul Apostolesc</i> , Брашов [венг. <i>Brassó</i> , нем. <i>Kronstadt</i>], 1563 (BRV 1: 49–51)	Vulgata	
Деян 19: 19	și tocmiră prețul lor și aflară argint cinci <i>întunearece</i>	et computaverunt pretia illorum et invenerunt argenti <i>quingenta milia</i>	и сложили цены их, и оказалось их на <i>пятьдесят тысяч</i> [драхм]
Деян 21: 20	Vezi frate, cite <i>întunearece</i> sînt de iudei	Vides, frater, quot <i>milia</i> sint in Iudaeis	видишь, брат, <i>сколько</i> <i>тысяч</i> [уверовавших] Иудеев
	Coresi, <i>Psaltiri</i> , Брашов, 1577 (BRV 1: 63–67)		
Пс 90: 7	cădea-va de partea ta mii și <i>untunearece</i> de a dreepta ta	Cadent a latere tuo mille et <i>decem milia</i> a dextris tuis (Пс 91: 7)	Падут подле тебя тысяча и <i>десять тысяч</i> одесную тебя

Подобным же образом обстоят дела и с примерами, приведенными Флореску и процитированными мною выше. Например, в Кодексе Йордански [Jordánszky-kódex], созданном между 1516–1519 гг., слово *фарисей* [phariseus] переводится на венгерский язык как *монах* [szerzetes], что очень близко по значению к чешскому и румынскому *духовник* [duhovnik]. Позволяет ли это предположить наличие прямой связи между венгерским, чешским или румынским текстом? Очевидно – нет.

Таблица 2.

	Vulgata	Кодекс Йордански [Jordánszky-kódex]	Сибиуское четверо-евангелие	Biblia Olomoucká	
Мф 23: 25	Vae vobis scribae et pharisaei hypocritae	Jaj tűnéktek írástudók és szerzetesek [монахи], képmutató	Vai de voi carturarilor și fraizeilor fățarnicilor	hoře vám, mistři a duchovníci, pokrytci	горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры

Отсутствующая в старославянском тексте часть Мф 26: 67 «били его ударами по шее» встречается не только в Оломоуцкой Библии, но и в других переводах Библии, сделанных до Сибиуского четвероевангелия. Так, например, и в Новом Завете, переведенном на венгерский язык Габором Пешти и изданном в Кракове в 1536 г.: «тогда плевали ему в лицо и били его ударами по шее» (Pesti 2002). Более того, именно этот текст встречается и в Новом Завете Эразма, который Габор Пешти использовал в качестве единственного источника: «*Tunc expuerunt in faciem eius et colaphis eum caeciderunt*» (ERASMUS 1541: 95).² Таким образом и в этом случае мы не можем однозначно утверждать, что румынский переводчик следовал исключительно чешской Библии или немецкой Библии Ментелина.

3. СИБИУСКОЕ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ И НЯГОВСКИЕ ПОУЧЕНИЯ

На основании приведенных выше примеров можно сформулировать следующий фундаментальный вопрос: можно ли предположить прямую филологическую связь между текстами в случае схожих или тождественных переводческих решений в чешских, румынских, немецких и венгерских переводах Библии, которые были созданы далеко друг от друга во времени и пространстве? Другими словами, можем ли мы утверждать, что схожесть перевода какого-либо выражения объясняется тем, что переводчик должен был быть знаком с библейским текстом, в котором данное выражение было переведено таким же образом? На мой взгляд, ответ следует искать в двух направлениях: с одной стороны, мы можем иметь дело с простым совпадением; с другой же стороны (и я сам считаю это более вероятным), следует предположить, что в Карпатском бассейне в XV и XVI века

² В классической латыни исходное значение слова *colaphus*: удар кулаком. Однако мы знаем из словаря Альберта Мольнара Сенци [Szenczi Molnár Albert] (*Dictionarium Latino-ungaricum*, Noriberga, 1604), что словосочетание *collaphum infringere, caedere, ducere* также имела значение ‘ударить по шее’ [nyakon verni].

существовала общая многоязычная устная библейско-церковная терминология. В отсутствие письменных переводов Библии священники на церковных богослужениях переводили и объясняли латинские или старославянские библейские тексты для своей аудитории в устной форме. Именно сформированная таким образом устная библейская лексика, возможно, послужила источником и для переводчиков Сибиуского четвероевангелия.

Переводчики Сибиуского четвероевангелия при переводе старославянского текста, несомненно, опирались на устную традицию. Румынские переводчики Сибиуского четвероевангелия перенесли устную библейскую лексику окружающих их языков (венгерского, немецкого, чешского) на румынскую почву и использовали ее при переводе текста Нового Завета. Вот что объясняет те эффектные и точные параллели между текстами Нового Завета на разных языках, которые уже были перечислены выше. Таким образом, источник Сибиуского четвероевангелия следует искать в многоязычной среде. На мой взгляд, этой средой могла быть Подкарпатская Русь (т. е. Марамуреш в современной Румынии и Украине, а также северная часть Молдавии), поскольку там говорили на всех рассматриваемых языках (венгерском, румынском, немецком, чешском) (VERKHOLOANTSEV 2008). Румынский текст, созданный в Подкарпатской Руси, в Марамуреше, в последствии был привезен в Сибиу (поскольку там была кириллическая типография).

В поддержку этой гипотезы напрашивается еще один аналогичный пример: первый сборник румынских кальвинистских проповедей, опубликованный в Брашове в 1568 году дьяконом Coresi (Cazanie, BRV 1: 51–52), также был создан в Подкарпатской Руси и позже привезен в Южную Трансильванию с той целью, чтобы напечатать его. Как и в случае Сибиуского четвероевангелия, Ион Геце и Александру Мареш считают, что Cazanie также было создано в Южной Трансильвании. Однако Панделе Олтяну убедительными филологическими аргументами доказал, что непосредственным источником румынского текста являются т. н. *Няговские поучения* [*Nyagovai Posztilla*], созданные в Карпатско-Украинском регионе в конце XVI века. Сегодня в нашем распоряжении находится единственный рукописный экземпляр, написанный в 1758 году (кстати, в печатном виде он был опубликован только в начале XX века). На основе тщательного текстологического сравнения Олтеану убедительно показал, что текст румынских евангельских комментариев практически идентичен русинским проповедям, разница наблюдается лишь в порядке их следования (OLTEANU 1963: 167–176, OLTEANU 1965, OLTEANU 1966).³ У нас нет никаких сведений о том, что текст Няговских проповедей мог попасть в Южную Трансильванию. Из этого логически следует, что румынский перевод поучений (Cazanie), как и Сибиуское четвероевангелие, был создан в Подкарпатской Руси. Однако Ион Геце и Александру Мареш не согласились с мнением Олтеану и продолжали отстаивать точку зрения о том, что Cazanie возникло в Южной Трансильвании. Нельзя было отрицать высокую степень соответствия между румынским и русинским текстом, поэтому Геце и Мареш выдвинули для обоснования своей теории предположение, что собрание проповедей якобы имело старославянский оригинал, ныне утраченный, который позже был независимо переведен на румынский и русинский языки (ГНЕТІЕ 1970: 125, МАРЕȘ 1974: 266–268). Однако это полностью опровергается следующим фактом. В Cazanie содержится проповедь Мелиуса Петера

³ Текст *Няговских поучений* впервые был опубликован Алексеем Леонидовичем Петровым в 1914 г., а затем в 1921 г. Текст Петрова был переиздан в репринтной форме кафедрой украинской и русинской филологии Высшей школы г. Ниредьхазы: *Nyagovai Posztilla*.

Юхаса [Melius Juhász Péter], опубликованная на венгерском языке в 1563 году в томе *Избранные проповеди* [Válogatott prédikációk]. У Мелиуса она входит в круг проповедей на т. н. «малое» Рождество [Kiskarácsony] (новогодние праздники) и посвящена евангелию от Луки 2: 21 (MELIUS 1563: 99–102, Cazanie: 165–168). В Cazanie последние две страницы проповеди Мелиуса (101–102) уже не содержатся, вместо них румынский текст заканчивается вставкой, написанной самим переводчиком. Таким образом, этот отрывок, несомненно, является работой самого переводчика, поскольку эта часть текста отсутствует и в Няговских поучениях. Однако особенно примечателен тот факт, что проповедь Мелиуса также включена в Няговские поучения (Nyagovai Posztilla: 197–198), не считая, конечно, двухстраничную вставку румынского текста, упомянутую выше. Остается открытым единственный вопрос: какая версия появилась раньше, русинская или румынская? Другими словами, был ли венгерский текст Мелиуса переведен сначала на русинский или на румынский язык? Петров, Дежё, Андраш Золтан и Олтеану считали более ранней русинскую версию, а Геце и Мареш настаивали на существовании гипотетической старославянской первоначальной версии, о чем упоминалось выше (Nyagovai Posztilla: 5–20, ZOLTÁN 2006, OLTEANU 1966, ГНЕЋЕ 1970: 125, MAREŞ 1974: 266–268).

Более раннее возникновение русинского текста можно продемонстрировать, именно сравнив переводы проповеди Мелиуса. Название проповеди идентично в румынской и русинской версиях, при чем до такой степени, что румынский переводчик даже не стал переводить его на румынский, а написал заглавие на русинском языке: *Na obrezanie Gospodine, na liturgii*. Ни проповедь Мелиуса, ни Няговские поучения не содержат сам библейский текст, на котором основана проповедь, в них указано только место в Священном Писании (Лука 2: 20–21). В румынской версии, однако, приводится полный библейский текст, после которого проповедь начинается с того же обращения, что и в русинском тексте: *Frații miei – Bratia moi* (Братья мои). Это обращение у Мелиуса отсутствует. Как в русинской, так и в румынской версии проповедь разделена на две части (у Мелиуса это разделение также отсутствует): в румынской версии, однако, румынский автор из второй части переводит только первые два предложения, а затем вставляет свой собственный комментарий, упомянутый выше. Таким образом, он значительно сокращает оригинальный текст, что еще раз доказывает, что румынский текст не мог быть протоверсией, поскольку русинский текст содержит всю проповедь Мелиуса, а румынский – только первую часть (Cazanie: 167, Nyagovai Postilla: 198). Следующее предложение Мелиуса («*Harmad, hogy megmutassa, hogy ő volt a vége és a valója a testi környűlmetélésnek*») переведено полностью буквально как в румынской, так и в русинской версии: «*A treia, cum să arate cum pre el au arătat legea obrezării, și elu vig și cap și fire legiei – Третье: што бы указавъ, ажъ овунъ есть право обрѣзанію и овунъ есть конецъ и голова*» (MELIUS 1563: 99, Cazanie: 166, Nyagovai Posztilla: 198). В русинской версии выражение «*vége és valója*» [конец и истина / сущность] (в румынском тексте: «*vig și cap*») заменено на *конец и голова*, как и в румынском языке, где венгерское слово *valója* [истина / сущность / реальность] переведено румынским автором как *голова* (рум. *cap*).

Основываясь на вышеизложенном, я придерживаюсь мнения, что русинская версия была первой, а позже с нее был сделан румынский перевод. Появление проповеди Мелиуса в Няговских поучениях означает, что русинский текст был создан между 1563 и 1568 гг.: том Мелиуса был опубликован в 1563 г., а издание дьякона Coresi, Cazanie, – в 1568 г. Том «Избранных проповедей» [Válogatott prédikációk] вполне мог попасть на русинскую тер-

риторию из венгерского города Дебрецен [Debrecen]. Известно, что одним из главных спонсоров Мелиуса была семья Магочи. «Избранные проповеди» были даже посвящены Мелиусом жене Гашпара Магочи [Mágocsi Gáspár], Евлалии Машшаи [Massai Eulália], что позволяет предположить, что семья Магочи также и финансово поддерживала издание книги. Вначале Гашпар Магочи был капитаном крепости в г. Дюла [Gyula], но в 1560 г. из-за преследований со стороны турок он вместе со всей семьей переехал в г. Торна [Torna] в горный регион Фельфёльд [Felföld] на севере исторической Венгрии [в настоящее время Turňa nad Bodvou, Словакия], а также одновременно был назначен капитаном замка г. Мукачево [Munkács]. Поэтому у него были все возможности для распространения Реформации среди словацкого и русинского населения этого района. Двоюродный брат Гашпара Андраш Магочи был студентом в Виттенберге и имел хорошие отношения с Меланхтоном и Кальвином. Семья Магочи поддержала публикацию в общей сложности семи изданий Мелиуса (Szavó 1987: 263–278). Сборник проповедей Мелиуса мог попасть в руки какого-то русинского священника именно благодаря семье Магочи. Составление сборника поучений также можно считать результатом деятельности семьи Магочи в сфере распространения Реформации.

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что при изучении параллельных мест библейских переводов или переводов проповедей на разные языки необходимо соблюдать осторожность. Исследователям значительно помогло бы составление глоссария этих странных, в то же время точных и эффективных соответствий в языках Карпатского бассейна, по крайней мере, для текстов XV–XVII вв. Таким образом, было бы легче выявить фокусную точку появления той или иной переводческой параллели, а также пути ее распространения.

Перевод Ивана Хегедюша

ЛИТЕРАТУРА

- AGRIGOROEI 2018 = AGRIGOROEI Vladimir: Le faux problème hussite dans la littérature vieil-roumaine. In: MUNTENU Eugen (ed.): *Receptarea Sfintei Scripturi: între filologie, hermeneutică și traductologie. Lucrările Simpozionului Național „Explorări în tradiția biblică românească și europeană” VII*. Iași, 18–20 mai 2017. Iași: Editura Universității Alexandru Ioan Cuza, 2018. 77–99.
- AP = HAADER Lea, KOCIS Réka, KOROMPAY Klára, SZENTGYÖRGYI Rudolf (szerk.): *Apor-kódex. 15. század első fele. / 15. század vége és 1520 előtt. A nyelvmélték hasonmás és betűhű átirata bevezetéssel és jegyzetekkel.* (Régi Magyar Kódexek 33.) Budapest: OSZK, ELTE, Sepsiszentgyörgy: Székely Nemzeti Múzeum, 2014.
- BRV = BIANU Ioan, HODOȘ Nerva (ed.): *Bibliografia Românească Veche*. T. 1. 1508–1716. București: Academia Română, 1903.
- CAMARĂ 2011 = CAMARĂ Iosif: Versiunile românești ale rugăciunii ‘Tatăl nostru’ din secolul al XVI-lea în raport cu originalele lor slavone. In: MUNTEANU Eugen (ed.): *Receptarea Sfintei Scripturi: între filologie, hermeneutică și traductologie. Lucrările Simpozionului Național „Explorări în tradiția biblică românească și europeană”*. Iași, 28–29 octombrie 2010. Iași: Editura Universității Alexandru Ioan Cuza, 2011. 36–52.

- CORESİ 1998 = CORESİ: *Tâlcuŕ evangheliilor ŕi Molitevnic rumânesc*. Bucureŕti: Editura Academiei Române, 1998.
- DEMÉNY 1971 = DEMÉNY Lajos: *Evangheliarul slavo-român de la Sibiu – prima tipăritură în limba română cunoscută până azi*. In: PETROVICI Emil, DEMÉNY Lajos (ed.): *Evangheliarul slavo-român de la Sibiu (1551–1553)*. Bucureŕti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1971. 22–98.
- DEZSŐ 1963 = DEZSŐ László: *A kárpátaljai irodalom kezdetei*. *Filológiai Közlöny* 1963/1–2: 156–161.
- DIEFENBACH 1857 = DIEFENBACH Laurentius: *Glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis*. Francofurti ad Moenum, 1857.
- ERASMUS 1541 = *Novi Testamenti editio postrema per Desiderio Erasmus Roterodamum*. Tiguri [Zürich], 1541.
- Evangheliarul = PETROVICI Emil, DEMÉNY Lajos (ed.): *Evangheliarul slavo-român de la Sibiu (1551–1553)*. Bucureŕti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1971. 22–98.
- FLORESCU 2010 = FLORESCU Ioan-Florin: *Le Tétraévangile de Sibiu (1551–1553)*. Nouvelles informations sur les sources de la première traduction en roumain des Évangiles. *Biblicum Jassyense. Journal for Romanian Biblical Philology and Hermeneutics* 1 (2010): 35–88.
- FLORESCU 2015 = FLORESCU Ioan-Florin: *În multe chipuri de Scripturi. Studii de traductologie biblică românească*. Iaŕi: Editura Universităŕii Alexandru Ioan Cuza, 2015.
- GHEŦIE 1966 = GHEŦIE Ion: *Consideraŕii filologice ŕi lingvistice asupra Tetraevangelului din Petersburg. Studii ŕi Cercetări de Lingvistică* 1966/1: 47–81.
- GHEŦIE 1970 = GHEŦIE Ion: *Unde s-a tradus întia Cazanie coresiană? Studii ŕi Cercetări de Lingvistică* 1970/2: 121–134.
- GHEŦIE 1979 = GHEŦIE Ion: *Evangheliarul de la Sibiu ŕi textele româneŕti scrise cu litere latine ŕi ortografie maghiară*. *Limba Română* 1979/2: 165–172.
- Jordánszky-kódex = LÁZS Sándor, ÁCS Pál (szerk.): *A Jordánszky-kódex. Magyar nyelvű bibliafordítás a XVI. század elejéről*: 1516–1519. Budapest: Helikon, 1984.
- KURRELMAYER 1904 = KURRELMAYER William (Hrsg.): *Die erste deutsche Bibel*. Bd. 1. Tübingen: Litterarische Verein in Stuttgart, 1904.
- KYAS 1981 = KYAS Vladimír (ed.): *Biblia paleobohema Codicis Dresdensis ac Olomucensis*. T. 1. Pragae: Academia, 1981.
- MAREŖ 1966 = MAREŖ Alexandru: *Observaŕii cu privire la Tetraevangelul din Petersburg*. *Limba Română* 1967/1: 65–77.
- MAREŖ 1974 = MAREŖ Alexandru: *Teoria elementelor slave nord-carpătice din vechile texte româneŕti*. In: MAREŖ Alexandru, GHEŦIE Ion, CHIVU Gheorghe (ed.): *Studii de limbă literară ŕi filologie III*. Bucureŕti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1974. 256–278.
- MAREŖ 1982 = MAREŖ Alexandru: *Originalele primelor traduceri româneŕti ale Tetraevangelului ŕi Psaltirii*. In: GHEŦIE Ion (ed.): *Cele mai vechi texte româneŕti. Contribuŕii filologice ŕi lingvistice*. Bucureŕti: Universitatea din Bucureŕti Institutul de Lingvistică, 1982. 183–207.
- MELIUS 1563 = MELIUS JUHÁSZ Péter: *Válogatott prédikációk*. Debrecen, 1563.
- Nyagovai Posztilla = ZOLTÁN András (ред.): *Няговские поучения – Nyagovai Posztilla. Факсимильное воспроизведение текста по изданию А. Л. Петрова с вводной статьей Ласло Дажё*. Nyiregyháza: Nyiregyházi Főiskola Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék, 2006.
- OLTEANU 1963 = OLTEANU Pandele: *Les originaux slavo-russes des plus anciennes collections d'homélies roumains*. *Romanoslavica* 9 (1963): 163–193.

- OLTEANU 1965 = OLTEANU Pandele: Presupusul original unguresc al Cazaniei I, din 1564, a diaconului Coresi: corectarea unei erori in Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1965. 645–650.
- OLTEANU 1966 = OLTEANU Pandele: „Postilla de Neagovo” în lumina „Cazaniei I” a diaconului Coresi (cca. 1564). *Romanoslavica* 13 (1966): 105–131.
- PEČÍRKOVÁ 1998 = PEČÍRKOVÁ Jaroslava: Czech translations of the Bible. In: KRAŠOVEC Jože (ed.): *Interpretation of the Bible*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998. 1167–1181.
- PESTI 2002 = PESTI MIZSÉR Gábor: *Új Testamentum magyar nyelven* [1536]. (Bibliotheca Hungarica Antiqua 34.) Budapest: Balassi, 2002.
- RUNCAN 1973 = RUNCAN Simona (ed.): *Dimitrie Cantemir Istoria ieroglifică*. Bucureşti: Minerva, 1973.
- SZABÓ 1987 = SZABÓ András: Mágocsy Gáspár és András udvara. In: R. VÁRKONYI Ágnes (szerk.): *Magyar reneszánsz udvari kultúra*. Budapest: Gondolat, 1987. 263–280.
- TASMOWSKI 2009 = TASMOWSKI Liliane: În ajunul unei ediţii transliterate şi electronice a Tetraevangelului bilingv slavo-român de la Sibiu. In: BORGHELLO Giampaolo, LOMBARDI Daniela, PANTALEONI Daniele (ed.): *Per Teresa. Obiettivo Romania. Studi e ricerche in ricordo di Teresa Ferro*. Vol. 2. Udine: Forum Editrice, 2009. 327–338.
- TESz = BENKŐ Loránd (szerk.): *A magyar nyelv történeti etimológiai szótára*. 3. kötet. Budapest: Akadémia Kiadó, 1976.
- VERKHOLANTSEV 2008 = VERKHOLANTSEV Julia: *Ruthenica Bohemica. Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. (Slavische Sprachgeschichte. Bd. 3.) Berlin: Lit Verlag, 2008.
- ZOLTÁN 2006 = ZOLTÁN András: Előszó – Предисловие – Foreword. In: ZOLTÁN András (ред.): *Няговские поучения – Nyagovai Posztilla. Факсимильное воспроизведение текста по изданию А. Л. Петрова с вводной статьей Ласло Дажё*. Nyíregyháza: Nyíregyházi Főiskola Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék, 2006. VII–XV.

LEVENTE NAGY

Department of Romanian Philology, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

**Slavonisms in Two 16th-Century Romanian Printings:
The Tetraevangelion of Sibiu (1551–1553) and the Postilla of Niagovo (1563–1568)**

The bilingual Slavo-Romanian Tetraevangelion (*Tetraevangelul slavo-român de la Sibiu*) was published in 1551–1553 at Sibiu. According to Lajos Demény, the Tetraevangelion of Sibiu was translated in Moldavia, while according to Ion Gheţie and Alexandru Mareş, it was translated in Southern Transylvania. More recently, Ioan-Florin Florescu has argued that two other Czech Bibles (*Biblia Drážďanská*, 1370; *Biblia Olomoucká*, 1417) were used by the translators to translate the Tetraevangelion of Sibiu.

The phrase λεγεῶνα ἀγγέλων, λεγεῶνα ἀγγέλων is rendered in the Romanian text as *doosprezece întunerece de ingeri*, i.e. ‘twelve darkness angels’. Very strange in the Romanian text is the expression *întunerece* meaning ‘darkness’. In the *Biblia Drážďanská* and *Biblia Olomoucká*, we find the following text: *i dá mi nynie viece než dvandácte tem anjelóv / by mi dal ninye wiece nežli dwandast tem andyelow*. Here, the word *tem* is the equivalent of *legion*, and in modern Czech, it means the same as the Romanian *întunerece* ~ *întunerice* denoting ‘darkness’. The Czech *tma* is derived from the Old Slavic *тъма* meaning ‘legion, crowd, multitude, 10,000–12,000 people’. The Old Slavic *тъма* is a word of Turkish origin. The original word (*tümän, tümen*)

has the same meaning as in Old Slavic. When τῦμα was borrowed, a homonym of this word already existed in Old Slavic, i.e. there was already a word (τῦμα) with exactly the same form but with a different meaning: 'darkness'. In the course of usage, the two words became confused, and in Czech *tma* ~ *tem* lost the meaning 'multitude, legion', and only the meaning 'darkness' remained.

On the basis of the examples presented above, we can formulate the following question: can we assume a direct philological connection between the texts in the case of similar or identical translation solutions of Czech, Romanian, German, and Hungarian Bible translations, which were produced far apart in time and space? In this study, I have tried to prove that there was a common multilingual biblical-ecclesiastical oral terminology in the Carpathian Basin in the 15th and 16th centuries. In the absence of written Bible translations, priests translated and explained the Latin or Old Slavonic biblical texts orally to their audience during church services. The resulting oral biblical vocabulary may also have been the source of the translators of the Tetraevangelion of Sibiu. Another analogy can be used to support this hypothesis: the first collection of Romanian Calvinist postillas published in Brasov in 1568 by Deacon Coresi (Postilla of Niagovo) was also produced in Ruthenia and later sent to southern Transylvania for printing.

Keywords: Postilla of Niagovo, Tetraevangelion of Sibiu, Biblia Dráždanská, Biblia Olomoucká, Reformation among Romanians and Ruthenians, Slavonism, multilingualism, Church Slavonic, Biblical Lexicology

Open Access. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited, a link to the CC License is provided, and changes – if any – are indicated. (SID_1)

